

Размышления над книгой

В. М. ШЕВЫРИН

ПО СТРАНИЦАМ «ВОСПОМИНАНИЙ» И «ДНЕВНИКА» ГРАФА И. И. ТОЛСТОГО*

Перед нами «Воспоминания» и «Дневник» почетного члена Императорской Академии наук, вице-президента Академии художеств, министра народного просвещения в кабинете С. Ю. Витте, городского головы столицы в 1913–1916 гг. графа и гофмейстера Ивана Ивановича Толстого (1858–1916 гг.), правнука М. И. Кутузова.

Имя И. И. Толстого (отца академика И. И. Толстого) хорошо известно ученым. Уже первый труд 24-летнего выпускника юридического факультета Петербургского университета И. И. Толстого «Древние русские монеты Великого княжества Киевского» был удостоен Уваровской премии. Академик В. Л. Янин высоко оценивает научную деятельность Толстого, говоря, что он работал «много и плодотворно», его «"Византийские монеты" — великолепное издание» и т.д. [1, с. 629–631]. В «Словаре нумизмата», опубликованном в Германии (и переизданном в России в 1993 г.), выдающемуся русскому нумизмату, секретарю Русского археографического общества, обладателю «коллекции русских и византийских монет, пользовавшихся мировой известностью» (и которые его сын передал в Эрмитаж), посвящена специальная статья. В ней подчеркнуто, что И. И. Толстому «принадлежат мн(огие) работы по истории искусства, археологии и нумизматике, а его работы по рус(ской) и визан(тийской) нумизматике — ценный вклад в развитие этих областей науки» [2, с. 331]. И для самого Толстого научная деятельность была, пожалуй, главным в его жизни. Уже на склоне лет, в 1913 г., он писал:

Когда удастся хоть слегка приподнять туманную завесу, скрывающую отдаленное прошлое, исследователь получает такое полное нравственное удовлетворение, с которым трудно чему-либо сравниться. Великий Гете считает радость этого рода — самым возвышенным счастьем, вообще доступным на земле человеку (Д., с. VIII).

При всем том И. И. Толстой, по справедливому замечанию его внучки Л. И. Толстой, «был прирожденным общественным деятелем» (Д., с. X). Но насколько И. И. Толстой известен и признан как ученый, настолько же неизвестен как государственный и общественный деятель, хотя он и здесь был фигурой первой величины. Теперь с выходом в свет его «Воспоминаний» и «Дневника» закрывается и эта лакуна. Честь их издания принадлежит прежде всего Л. И. Толстой, академику РАН Б. В. Ананьичу, чл.-корр. РАН Р. Ш. Ганелину и А. Е. Иванову. В «Воспоминаниях» вошли, помимо мемуаров самого графа, вводная статья Л. И. Толстой, за-

* Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. // Мемуары русской профессуры / Сост. Л. И. Толстая. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. — 334 с.; Толстой И. И. Дневник. 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга; Европейский Дом; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1997. — 729 с.

И. И. Толстой в рабочем кабинете министра народного просвещения Российской Империи. Октябрь 1905 г. Фото из архива внучки графа — Л. И. Толстой

мечательная статья близкого друга Толстого историка-античника С. А. Жебелева о жизни и деятельности Толстого (в основном научной и в области образования), обширные комментарии, блестяще написанные известными историками Р. Ш. Ганелиным и А. Е. Ивановым. «Дневник» открывается статьей Л. И. Толстой и Б. В. Ананьича «Граф И. И. Толстой и его дневник», в которой «конденсат» жизненного пути графа и его работы над дневником.

Полиграфическое исполнение этих книг — весьма презентабельное. По своему объему они существенно отличаются: «Воспоминания» — чуть больше 20 п.л., а «Дневник» — около 50. Но это и понятно, мемуары были написаны, можно сказать, на одном дыхании, всего за четыре месяца в дачном уединении, сразу после отставки с поста министра, а дневник — плод 10-летней подвижнической работы (и почти изо дня в день! с сентября 1906 г. по апрель 1916 г.). Воспоминания посвящены деятельности И. И. Толстого в качестве министра народного просвещения и отличаются хронологической и содержательной цельностью. Повествование охватывает всего полугодовой период, но полгода поистине судьбоносные, — когда Россия вступала на путь реформ и граф был в эпицентре событий.

В воспоминаниях подробно рассматриваются первые шаги И. И. Толстого на новом поприще, рельефно высвечиваются острые проблемы, стоявшие перед российским образованием, причем — в увязке с внутренней обстановкой в стране,

особенностями регионов, ее историей и опытом других государств. Счастливое сочетание у И. И. Толстого как мемуариста — умение не только улавливать самое существенное в любом явлении, в биографии персонажей его воспоминаний и дневника, но и замечать, казалось бы, третьестепенные детали и штрихи происходящего вокруг. Сейчас они настоящее откровение для читателей, драгоценные свидетельства, доносящие как реальность ту особую, по своей значимости для XX столетия, эпоху. Можно понять поэтому дальновидного и тонко чувствовавшего В. В. Стасова, так восторговавшегося этой мимолетно-эфемерной конкретикой в записях Толстого. Бытовые мелкие подробности в воспоминаниях Толстого оттеняют, делают более живыми его наблюдения за заседаниями Совета министров, Комитета министров, Госсовета, доклады И. И. Толстого царю и т. д. Ему удалось создать портретную галерею высших российских сановников.

Министерская деятельность графа — его стремление реформировать образование в России, очистив школу от наслоений сословности и губительной русификации и придав ей современный вид, — навсегда подорвала его репутацию в глазах правящей элиты. Об этом пишет и сам Толстой, которому вел. кн. Николай Михайлович, симпатизировавший ему, передал настроения при дворе: «Вы благодаря Вашей деятельности в качестве министра окончательно погубили Вашу служебную карьеру: Вас даже в члены Государственного совета никогда не назначат, тогда как назначают туда всяких идиотов и рамоликов. Я возмущаюсь, но это факт непреодолимый» (Д., с. 296). И спустя три года Толстой записывал в дневнике: «Меня при дворе считают революционером» (Д., с. 234). Работа в команде С. Ю. Витте не принесла ему никаких лавров: он был единственным из отставленных министров, не удостоенным ни синекуры в Госсовете, ни ордена, ни материальной компенсации, к чему он отнесся с полным безразличием. Главным для него было работать «ради самого дела» (В., с. 7). Его воспоминания, особенно в заключительной, 11-й главе, содержат целую программу преобразования страны, а не только системы образования. И здесь, в сущности, его кредо прогрессивного деятеля, которое потом, в дневнике, многократно отразится в мозаике ежедневных записей. В них порой встречаются и ценные вкрапления писем, в частности С. Ю. Витте, А. Ф. Мейендорфа и др.

*И. И. Толстой в домашнем кабинете.
Санкт-Петербург, 1906 г.
Фото из архива внучки графа — Л. И. Толстой*

Несмотря на некоторые жанровые различия, воспоминания и дневник, по сути, — единое целое: и по духу, и хронологической последовательности, и литературному стилю — простому и ясному, легкому и изящному. И нигде И. И. Толстой не дает неверного тона, он всегда кристально честен перед собой и читателем: «Я, — пишет граф, — нигде ни разу не подтасовывал фактов, ни разу в своих записках сознательно не врал и не выдумывал» (В., с. 8). Эта объективность, даже сугубая щепетильность была проявлением первоосновы его жизненной философии: всякого рода ложь и интриги он ненавидел «более всего на свете» (В., с. 216). Поэтому так откровенны и нередко нелцеприятны его оценки многих лиц императорской фамилии, придворных, государственных деятелей, ученых, художников и т. д.

Таким он был и в жизни, — не желавшим «подлаживаться под мнения, хотя бы и господствующие» (Д., с. 103). И эту линию он проводил, будучи и министром (в том числе и перед царем), и городским головой, и во всей своей многообразной деятельности. В воспоминаниях и дневнике И. И. Толстого — вся Россия: мятущаяся, живая и трепетная, просвещенно-талантливая и дикая, богатая и нищая, бесильно бьющаяся в трагическом цейтноте реформ и революции, одинаково чреватых катастрофой для ее государственности.

Такой почти стереоскопический эффект — результат симбиоза трех составляющих — богато одаренной личности Толстого, действительно смутно-революционного времени и той видной роли, которую он играл в научной, культурной и общественно-политической жизни страны в конце XIX — начале XX столетий. Но самые истоки личности воспоминаний и дневника И. И. Толстого — в его необыкновенно развитом чувстве гражданского долга — долга историка и общественного деятеля, участника событий в то время, которое, по его словам, «явится в истории исходным или для обновления России, или для ее распада и гибели» (В., с. 231). Он и сам работал изо всех сил («как лошадь», по его же определению) для обновления страны. И, собственно, обращался к воспоминаниям и дневнику для того, чтобы «разобраться в окружающих явлениях и указать на те меры, которые могли бы, по моему мнению, ввести взбаламученное болото русской жизни в русло действительного прогресса и доступного благополучия» (В., с. 231).

Эти его книги стоят, наверное, многих томов исследований о предреволюционной России. Они представляют собой уникальное явление даже в богатейшей отечественной мемуаристике. В воспоминаниях и дневнике Толстого — огромный и отнюдь не потонувший мир во всей его вечно-трагической непотопляемости. Он как бы переходит в сегодняшнюю действительность, обретая порой почти осязаемые черты настоящего, стыкуясь с ним и закручиваясь в фантазмагорическую спираль «виртуальной реальности». Книги — из-за необычайного созвучия в них былого и российской «нови» кануна XXI столетия — воспринимаются как иносказание о нашем времени, облеченное в форму исторической рефлексии.

Уже в 1906 г. И. И. Толстой допускал возможность расчленения России, но утверждал, что «это не неизбежно», и зависит от сознательного, а не мнимосознательного отношения к действительности «со стороны людей, желающих блага России» (Д., с. 38–39). В отношении Кавказа ему казалось, что «увлечение кавказскою автономиею или, вернее, кавказскими автономиями пока является погонеею за утопиею, если только сама Россия не ухитрится устроить что-нибудь, напоминающее эти самые автономии» (В., с. 122). Тема распада государства так тревожила графа, что он записал в дневнике слова одного из своих собеседников «о неминуемом распаде России, насквозь прогнившей от взяточничества и произвола» (Д., с. 660). По его мнению, высказанному еще в годы первой революции,

шансы России выбраться из разрухи заключаются в том только, что населению беспорядки, убийства и грабежи надоедают настолько, что оно во что бы то ни стало и прежде всего (захочет) порядка и спокойствия, но одновременно с этим правительство должно действовать не покладая рук непременно в демократическом направлении, единственном приличествующем нашей мужицкой родине, и притом не обращая внимания на то, конституционно ли оно действует, или нет, лишь бы меры были явно направлены на пользу «меньшей братии», и притом чтобы мероприятия были этически оправдываемы (Д., с. 58–59).

И все-таки у него были сомнения, суждено ли России остаться единым государством?.. В 1907 г. он считал, что Государственная дума должна найти в себе самой достаточно мудрости и авторитета, чтоб, не гонясь за дешевой популярностью, добросовестно работать на пользу народа, поставив на свое место слишком увлекающихся сочленов своих (Д., с. 7). Но Толстой не видел элементов реальной политики «в программах существующих партий, которые все обещают больше, чем могут дать» (Д., с. 62). Он писал и о «наивности нашего общества, только медленно привыкающего разбираться в окружающих явлениях жизни и политической борьбе партий» (Д., с. 76); об антисемитизме: «Надо сознаться, что страна наша еще больно дика...» (Д., с. 691); о «высших сферах»: «Поистине “слепые, вожди слепых!”» (Д., с. 244). И. И. Толстой, признавая, что Россия чудная страна и русские — талантливый народ, которым плохо управляют, а чиновники продажны, с горечью отмечал в дневнике:

Стыдно и обидно за нашу мать Россию, и накапливается дурное чувство против вершителей наших судеб, но еще больше против русского общества, бестолкового, непоследовательного и безвольного! Гадко! (Д. С. 232).

Замечания И. И. Толстого о международных отношениях в пору обострения «балканского вопроса» в 1909 г. особенно современны. Ему было противно, как «издеваются над маленькой Сербией и над слабостью России! Относительно Сербии — простой цинизм сильного победителя перед слабым побежденным, торжество разбойников над своей бессильной жертвой, которая обвиняется в том, зачем попала под руку, чего стояла на дороге, да еще заявляла какие-то претензии». По отношению к маленькому славянскому государству проявились самые подлые качества: «отсутствие деликатности к слабому, грубое надругательство над соперником, который защититься не может и которого никто не защищает; вообще то, что англичане называли бы отсутствием *fair play*» (Д., с. 232, 233). Но возможность участия России в европейской войне вызвала у И. И. Толстого сложные чувства. С одной стороны, его шокировали надругательство над балканскими славянами и весьма обидный тон немецкой прессы в отношении России, которые он рассматривал как предвестников неизбежного столкновения России с Германией. С другой стороны, он опасался роковых для страны последствий, если она «будет втянута в несчастную для нее войну» (Д., с. 349), и, видимо, склонялся к мнению прогрессиста М. М. Федорова, с которым обсуждал эту проблему, — «тогда будет решаться вопрос о самом существовании России» (Д., с. 280, 349). Толстой связывал это с неустойчивостью внутреннего положения в стране. В ней многое напоминало времена 1905–1907 гг., и только «страх перед виселицами и тюрьмами сдерживает людей и создает лишь видимость спокойствия» (Д., с. 242, 344). Он уже в 1906 г. предвидел, что «России предстоит еще долго барахтаться в той каше, которая в ней ныне заварилась» (Д., с. 49). Исторический путь России в XX столетии, полагал

И. И. Толстой, мог быть совсем иным, если бы были продолжены реформы Александра II.

Но И. И. Толстому не подходила роль лишь стороннего наблюдателя событий, огромное значение которых для страны он хорошо понимал. Для него было заманчиво принять участие в них «в качестве непосредственного деятеля» (В., с. 20, 21). Вступая в министерство С. Ю. Витте, он руководствовался главным: «Свое отечество я люблю и всегда любил; для меня не является пустою фразою готовность пожертвовать собою за отечество, а ведь как раз теперь взывают к моему патриотизму». И хотя он шел «в министры» с тяжелым сердцем (это ведомство «систематически самоуничтожалось, дойдя до сплошного позора») и допускал возможность своего провала, все же надеялся «сделать то, чего другие не смогли сделать годами» (В., с. 21). И великолепный высокой чистоты аккомпанемент этих мотивов: «Во мне отсутствовало чувство карьеризма, желание кому-либо угодить и надежды получить что-либо за труды». Эту «чистоту риз» И. И. Толстой сохранил во всей своей государственной и общественной деятельности. Здесь он всегда был истинным рыцарем, может быть, чуточку — Дон Кихотом.

В воспоминаниях он описывает встречи с С. Ю. Витте и царем, в ходе которых обговаривал свои условия вступления в кабинет. И. И. Толстой откровенно сказал Николаю II, что он «решительный враг существующего правительственного режима, считая его вредным как для Вашего Величества, так и для России». Граф выразил «свое искреннейшее убеждение, что бюрократический режим совершенно непригоден для России, что Россия им загублена...» (В., с. 25). После такой филиппики монарх, видимо, не ожидавший ее, задумался («государю нечасто приходится слышать такие разговоры», — комментировал впоследствии речь И. И. Толстого С. Ю. Витте), а потом все же произнес: «Я все-таки прошу Вас принять место» (В., с. 27–29).

Императору трудно было дать отбой: уже трижды кандидаты на этот пост отказывались, и, кроме того, кандидатуру И. И. Толстого предложил премьер-министру он сам (вероятно, с подачи вел.кн. Владимира Александровича), и премьер-министр согласился на нее, предварительно встретившись с графом. И. И. Толстой сказал при встрече с С. Ю. Витте:

Я намерен сразу дать новое направление деятельности министерства, так как убежден в совершенной неправильности существующего направления... должен предупредить, что как это ни тяжело, намерен немедленно расстаться с целым рядом чинов министерства, известных мне по репутации...

На совет С. Ю. Витте «не горячиться слишком первое время», осмотреться, Толстой корректно, но твердо ответил, что не будет в состоянии последовать этому совету. Он заявил себя как «противник существующей системы русификации через школу», а в еврейском вопросе — как сторонник полного уравнивания этой преследуемой нации во всех правах с остальными гражданами России. Специально в учебном деле «я — сторонник немедленной отмены процентных норм при поступлении в учебные заведения, разрешения евреям занимать преподавательские места и открывать собственные учебные заведения». В целом, он пообещал главе правительства работать в пользу того, что «считаю справедливым и важным». Но и это было не все. «Я обязан Вам сказать, — продолжал претендент на место министра, — что, в общем, придерживаюсь взглядов довольно “левых”, о чем считаю долгом предупредить Вас как будущий Ваш сотрудник». С. Ю. Витте опешил: «То есть каких левых взглядов?» — «Я сторонник широкой самодеятельности общества, — отвечал И. И. Толстой, — сторонник широкого местного самоуправления

на началах всеословности, за уничтожение сословных и иных привилегий, в том числе за уничтожение привилегий дипломных, стою за автономию везде, где она практически осуществима без прямого вреда для дела и т. д.» У С. Ю. Витте отлегло от сердца: «У Вас, видимо, широкие взгляды, что делу не помешает» (В., с. 22–23).

Взгляды И. И. Толстого действительно были широкие. Здесь правила бал Ее Величество Личность. Граф был убежден, что права и интересы личности должны всегда стоять на первом месте. Каждый гражданин может делать, говорить и писать все, что желает, пока он не вредит другим.

Я должен иметь право распоряжаться собою, как хочу, заниматься, чем хочу и чем могу, и никто не смеет помешать мне хотя бы лишить себя жизни, уже не говоря о моем праве жить где и как я хочу и вести компанию с теми, кого я сам избрал...

Роль государства должна заключаться, по мысли И. И. Толстого,

в защите слабых от сильных, в заботе о том, чтобы шансы в жизненной борьбе были по возможности уравновешены. Пределы вмешательства государства должны, однако, определяться принципом свободы личности, а потому такое вмешательство недопустимо там, где его об этом не просят и где не наносится явного вреда одними гражданами другим.

Какова бы ни была форма государственного устройства, монархическая или республиканская, государственная власть, полагал граф, должна всегда класть в основание своей деятельности принципы права и справедливости, руководствоваться этическими соображениями наравне с практическими (В. С. 240–241). Ему представлялось, что реальная политика реформ в России, если считать, что «конституционная форма правления является ныне совершившимся фактом», может быть выражена в следующих основных положениях:

1. Полное уравнение во всех правах всех сословий.
2. Полное уравнение в правах всех национальностей, в том числе и даже прежде всего как наиболее нуждающихся в этом евреев, с остальными гражданами.
3. Уничтожение всех излишних стеснений личности и в том числе, прежде всего, уничтожение паспортной системы во всех ее проявлениях.
4. Абсолютная веротерпимость и исключение из государственных законов всех карательных мер за преступления «против веры».
5. Реформа аграрная в смысле покровительства мелкой собственности, обрабатываемой самим владельцем, причем реформа эта должна быть осуществлена путем прогрессивного налога на землю.
6. Издание законов о рабочих с нормированием продолжительности рабочего дня, работы несовершеннолетних и женщин, а также разработка вопроса о страховании, о профессиональных союзах и т.д.
7. Развитие принципа местного самоуправления, разработанного с определенной целью децентрализации управления, с передачею земствам и городским думах ряда функций, принадлежащих ныне правительственным органам.
8. Реформа всего учебного дела с привлечением к нему широких кругов населения и с введением выборного начала при обсуждении вопросов, касающихся школы, а также с признанием культурных прав отдельных народностей, населяющих Россию...
9. Отмена навсегда смертной казни.

Графу казалось, что эта программа привела бы к быстрому развитию экономической и политической жизни страны (В., с. 259–260).

Особая роль в этой программе отводилась образованию. Мероприятия в этой области он считал даже «несравненно... важнее и аграрного, и рабочего законодательства». Образование

одно может из полудикарей и грубых эгоистов создать действительно сознательных граждан, а не именуемых только такими полужнаек, которыми всякие политические аферисты и авантюристы распоряжаются по своему усмотрению, обещая им всякие блага, предоставляя затем своими боками расплачиваться за свое легкоеверие. Сделать образование доступным, а при первой возможности и обязательным до известной степени для всех — вот что должно, по моему убеждению, составить одну из главных задач правительства (В., с. 250).

Как только И. И. Толстой стал членом правительства, Министерство просвещения сразу же ощутило его новаторское руководство. К ужасу чиновников, Толстой, в отличие от своих предшественников, стал рано (точно к 10 часам утра) приходить на службу (пешком от дома до министерства за 40 минут), установил ежедневный прием посетителей (вместо двух в неделю), уволил товарищей министра и некоторых попечителей округов, настроенных работать по-старому, пригласил новых, отвечающих духу времени. И это было лишь началом, своего рода «расчисткой» территории для строительства грандиозного «здания». Но и «расчистку» новый министр проводил филигранно и по-человечески, хотя и не без небольшого, но симптоматического казуса. В любом случае, он знал за собой ту «отрицательную для администратора» черту характера, которая заставляла его «всегда бояться обидеть» приходящего к нему человека «резким отказом или неделикатным замечанием, несмотря даже на сознание уместности таковых», один из отставленных попечителей округов написал царю записку-кляузу о новациях в министерстве. В ней говорилось, что глава ведомства — крайний либерал, действующий по указке радикальных газет и изгоняющий со службы всех верных царских слуг, имея намерение заменить их революционерами.

Это несколько не смутило И. И. Толстого: он продолжал свою преобразовательную деятельность в труднейших условиях революции. «Капитальнейшим делом» он считал реформу университетов, предоставив им возможность самим разработать проекты уставов. В это время университеты переживали и серьезные экономические трудности: недостаток денег во всех 9 университетах заставлял их прекращать выплату жалованья многим служащим, экономить на отоплении и освещении, не ремонтировать здания и т.п. Толстой со всей энергией бросился «пробивать» ассигнования на университеты. Многие в Госсовете не хотели давать им ни копейки. Благодаря Толстому университеты смогли получить известную сумму. Но это была вязкая, бюрократическая борьба. Светлые же воспоминания у И. И. Толстого остались о профессорском совещании, которое он собрал для выработки нового устава (44 маститых ученых — А. А. Мануйлов, В. М. Хвостов, М. А. Мензбир, И. М. Гревс, Д. Д. Гримм, В. А. Стеклов и др.). Это были его «звездные дни». Устав, по словам И. И. Толстого, «явился действительно выразителем мнений всех советов русских университетов о способах разрешения наболевших вопросов жизни высшей школы». В выработанном проекте устава воплотились основные пожелания университетов: независимость от попечителей округов с подчинением непосредственно министру с формальной только стороны; полная свобода преподавания; строго коллегиальное управление с последовательно про-

веденным выборным началом; невмешательство во внутренние дела университетов администрации; отказ от официальных прав для оканчивающих курс, чем подчеркивается необходимость поступления в университет слушателей только ради науки, ради приобретения знаний, соответственно этому само поступление в университет значительно облегчено расширением круга средних учебных заведений, дающих это право; женщины допускаются в университет наравне с мужчинами, и не только в качестве студентов, но и в качестве преподающих; наконец, суровая система преподавания заменяется предметной с предоставлением слушателям права избирать для себя какие угодно предметы, менять факультеты и посещать одновременно разные факультеты; сами университеты характеризуются не как учебные только заведения, но как «учено-учебные государственные учреждения». И. И. Толстому

посчастливилось не пропустить ни одного собрания совещания, несмотря на массу других дел, и должен сказать, — писал он, — что, несмотря на страшное иногда утомление и недосыпание, благодаря продолжительности вечерних заседаний (иногда за полночь), я вспоминаю и, вероятно, всю жизнь свою буду вспоминать о совещании с чувством, граничащим с восторгом. Думаю, что редко у нас в России осуществлялось такое компетентное собрание, в котором, несмотря на различие основных направлений и темпераментов собравшихся, все участники от первого до последнего работали так дружно, не за страх, а за совесть, признавая дело не чужим, а своим, с единственным желанием создать нечто по возможности совершенное не ради угождения кому-либо, а ради самого дела (В., с. 71–72).

Но даже «временные правила», которые должны были действовать до введения устава, не были пропущены Советом министров. И. И. Толстой, получив здесь отпор, пытался провести их по частям, путем всеподданнейших докладов царю. Мелочи были утверждены, существенное — отвергнуто.

И. И. Толстой собрал и совещание представителей специальных высших учебных заведений страны (38 профессоров), разделивших почти все воззрения своих университетских коллег на нужды высшей школы. Таким образом, получилась, по оценке Толстого, в общем, довольно стройная и грандиозная даже картина мнений истинных представителей всей русской науки, насколько она воплощалась в русской профессуре высших учебных заведений ведомства народного просвещения. Он считал, что и в будущем «с этими мнениями и самими проектами придется считаться». Работа совещаний «составит важную и любопытную страницу в истории русской академической жизни» (В., с. 77). Основная мысль реформы состояла, по его словам, «в создании действительно автономных высших школ для молодежи и взрослых обоего пола на общегосударственные средства» (В., с. 257).

В ходе совещаний ему удалось сохранить «наилучшие отношения» с профессурой. Профессора, как и он сам, хорошо понимали всю важность совещаний. Поэтому можно понять известного историка Н. И. Кареева, который спустя три года в беседе с Толстым «выразил сожаление», что благие начинания графа — в бытность его министром — «пошли теперь прахом» (Д., с. 184).

И. И. Толстой немало инициировал таких начинаний и в области средней, и низшей школы. В начале своего министерства он «пришел в ужас» от той картины развала и хаоса, которые царили в этом «департаменте», испытавшем сильнейшее воздействие революции. Когда о своих первых впечатлениях И. И. Толстой поведал премьер-министру, у того «волосы дыбом встали»: «Я ничего подобного не воображал! — воскликнул он. — Это ужасно, ужаснее всех университетских беспорядков. Бедные дети, несчастная Россия... нужно принять какие-нибудь меры...

Нет, хороши педагоги. Это черти, а не педагоги» (В., с. 89). Толстой пишет, что были и учителя, которые жаловались на слишком большую распушенность учащихся, высказывались за необходимость отвлечь их от занятия политикой, вернуть школу к единственной, по их мнению, нормальной функции, — сообщать знание, научить логически мыслить и сознательно работать. Такой же была и позиция самого И. И. Толстого, которого коробила «самодеятельность» учащихся, принимавших решения прекратить занятия до созыва учредительного собрания или выражавших твердое намерение жертвовать самой жизнью «для достижения пролетарской всероссийской республики». Запомнился ему и пункт одной из резолюций, составленной ученицами гимназии, требовавшими, «начиная с какого-то класса, свободной любви» (В., с. 90). Но он резко выступал и против черносотенных сатурналий, разгрома гимназий и избияния учащихся.

Это было время, когда министру «было от чего прийти в отчаяние. В одно ухо жужжали: “Дайте побольше свободы, раскрепостите школу, дайте дышать учителям и детям”, а в другое кричали: “Чего вы смотрите? Подтяните их, отдайте под суд, выгоните со службы, очистите школу от плевел”». И. И. Толстой шел между этими крайностями, как между Сциллой и Харибдой. И только однажды «сорвался». Выведенный из себя какой-то депутацией, он прочел ей лекцию о том, что он является слугою правительства, а не революционных комитетов, и готов выслушивать всякие разумные советы, но просил не считать его слугою революции и не приходиться к нему с «требованиями помочь революционизированию школы» (В., с. 99).

Но и «слугою правительства» он был не безоглядным, часто воюя с представителями его правого крыла, и прежде всего с П. Н. Дурново, или даже идя против течения в Совете министров или Госсовете.

Благодаря ряду мер, в том числе и расширению прав педагогических советов, занятия в школах возобновились с января 1906 г. В воспоминаниях И. И. Толстого отразилась его забота о развитии образования в России, в частности, своим циркуляром он отменил (испросив «Высочайшего согласия») архаичные распоряжения, стеснявшие преподавательские права «магометан» и раскольников, был разработан проект о всеобщем обучении и др. Много думал Толстой о программе обучения в школе, отдавая предпочтение гуманитарному образованию, о совместном обучении мальчиков и девочек, о характере финансирования школ и даже об упрощении орфографии. Но архиважным он считал не «поощрять разъединение и развитие мелких сепаратистских наклонностей, а напротив, прививать естественным путем, без насилия, сознание солидарности между собою разноплеменных граждан одной великой страны и желательности наиболее тесного единения» (В., с. 253). Это было для него столь же естественно, как и говорить горячие речи в Госсовете «в защиту права всякого воспитывать своих детей на родном языке», права иметь свои школы (частные) немцам, полякам, литовцам и др. Здесь он сталкивался с русификаторами М. Н. Галкиным-Врасским, В. К. Саблером, С. А. Толем и им подобными. Удивительно ли, что до самой смерти И. И. Толстой слыл при дворе «если не прямо крамольником, то сильно скомпрометированным по политическим убеждениям», — и прежде всего «в качестве министра народного просвещения», — это считалось одним из его главных «незамолимых грехов» (Д., с. 267).

Случалось, что ему «вставлял палки в колеса» и С. Ю. Витте, хотя их личные отношения были неизменно корректными. Толстой в воспоминаниях и дневнике оставил немало интересных подробностей о Витте как человеке и государственном деятеле. В пору его премьерства С. Ю. Витте в течение шести месяцев «мог работать и действовать за десятерых» (В., с. 228). Но при обсуждении, например, в Госсовете вопросов, вносимых на его рассмотрение, Витте

выходил иногда из себя, и сколько раз, бывало, произнесши нескладную по форме, но резкую и убедительную речь, он, чтобы успокоиться выходил из залы заседания покурить и, в возбуждении ходя взад и вперед по советскому буфету, как зверь в клетке, ворчал: «Ну что тут поделаешь? Работашь, не спишь по суткам, спешишь дело делать, а тут приходится еще время терять. Им легко рассуждать и сидеть каждый день по шесть часов; им нечего другого и делать, а мы теряем время; и ведь не с них, а с меня все взыщут, если я что-нибудь не сделаю. Господи, вот каторога...» — и, бросивши папиросу, опять большими шагами шел в зал, опускался на свое место, чтобы через некоторое время опять вскочить с возражением кому-либо из говоривших с новой энергией (В., с. 189).

Но и сам И. И. Толстой был схож в этом с С. Ю. Витте. Например, он с возмущением говорил на Совете министров о еврейских погромах, поддержал в целом проклинаемый правыми аграрный проект Н. Н. Кутлера и др. Сумма прегрешений И. И. Толстого на посту министра была столь немалой (с точки зрения «верхов»), что он был уволен «без выходного пособия». Его судьба схожа с судьбой С. Ю. Витте: оба после отставки так и не были востребованы, призваны к серьезной государственной работе. Необычен и сам финал их совместной деятельности — эпизод расставания, изображенный в воспоминаниях Толстого:

Перед окончательным «разъездом» граф Витте угостил весь состав нашего Совета у себя на Каменноостровском проспекте великолепным обедом, роскошно сервированным... На следующий день... я сделал ему визит, и вот, поговоривши со мною о происшедших переменах, он обратился ко мне со словами: «Вы меня извините, если я затрагиваю деликатный вопрос, но скажите мне откровенно: Вы не нуждаетесь в устройстве теперь Ваших дел, т.е. не следует ли мне похлопотать о Вас? Теперь наступают тяжелые времена, а Вы, может быть, расстроили свои финансы? Будьте, пожалуйста, откровенны и извините меня, дорогой граф, за нескромность». Я на это ответил: «Благодарю Вас, граф Сергей Юльевич, я ни в чем не нуждаюсь: денег у меня за глаза достаточно для существования, а дети мои, к счастью, обладают скромными вкусами и ограниченными потребностями... я очень благодарен Вам за Вашу заботливость обо мне, но прошу Вас усердно не хлопотать о моем награждении — ни денежном... ни орденом, или должностью; я рад, что завершил свою службу, не оскандалившись и не запятнав ничем своего имени...». Витте меня обнял и сказал: «Ну, тогда позвольте хоть поблагодарить Вас от души за Вашу службу: за все время нашей совместной службы не произошло, кажется, между нами ни одного серьезного недоразумения, и я надеюсь, что мы расстаемся друзьями» (В., с. 226–227).

Если в воспоминаниях И. И. Толстого целая эпоха его «министерства», то в дневнике — вся его последующая жизнь во всем ее удивительном многообразии. Можно сказать, что дневник — эта грандиозная панорама предреволюционной России. Лейтмотив дневника — глубочайшая озабоченность графа судьбой страны в предчувствии надвигавшихся на нее роковых событий. В дневнике, условно говоря, несколько основных пластов: *научный* — главным образом записи о нумизматике; *художественный* — связанный с многолетними отношениями Толстого с Академией художеств; и самый мощный пласт *общественно-политический* — толстовские оценки деятельности правительства, Госдумы и Госсовета, публикаций в прессе, его соб-

ственная общественная деятельность во многих организациях и публицистическая и, наконец, его служение Санкт-Петербургу на посту городского головы.

При всей интенсивности общественной работы И. И. Толстой всегда находил время заниматься наукой. Его настоящей страстью была нумизматика. По дневнику можно судить о том, когда и над чем он работал, практически каждый день занимаясь монетами. Граф классифицировал их, описывал, засиживаясь за ними (чаще всего с А. А. Ильиным) далеко за полночь. Он прекрасно разбирался в археологии: «После завтрака я ездил в Археологическую комиссию, а затем к Кондакову. В Комиссии мне показали поразительные находки нынешнего года. Члены, к сожалению, ничего в них не понимают (говорю о Николае Веселовском и Спицине, которых застал в Комиссии), и они с открытыми ртами слушали мои объяснения (например, о серебряном блюде...)» (Д., с. 259). В дневнике высокая оценка В. Р. Розена — «прекрасного человека и крупного ученого, создателя Восточного отделения Археологического общества... Россия не богата такими солидными учеными, как Розен, да еще столь преданными науке...», которую «он в душе и сердце считал храмом» (Д., с. 178). Несколько неожиданны размышления И. И. Толстого о Д. И. Менделееве:

...Абсолютно самый крупный и знаменитый ученый нашего времени. Будучи великим химиком, мировой и общественной величиной в этой области, он был вместе с тем и мыслителем вообще, претендовавшим на умение решать чуть ли не все вопросы бытия, и не только говоривший обо всем, но и писавший о предметах, лежавших вне сферы его специальности. Особенно увлекался вопросами финансирования, экономическими и социальными. В качестве естествознателя, привыкшего признавать факты, а не мечты, он был во всех этих вопросах сторонником реальных выводов и решений, причем часто проявлял чисто естественно-историческое бессердечие в своем мышлении. Несмотря на весь его поразительный ум и даже на верность многих его воззрений, с ним в последнее время тяжело было говорить, так как спорить с ним было бесцельно при невозможности переубедить, а принимать все его теории целиком было абсолютно невозможно. Будучи близко с ним знаком, причем наши семьи тоже знали, и мои дети были товарищами его детей (от 2-й жены), я последние три или четыре года почти совсем перестал с ним видиться: так расходился я с ним во взглядах почти на все. Несмотря, однако, на это, а также на то, что его уже чересчур утилитарно-практическое отношение к устройству своего и своих близких благополучия на казенный счет невольно отталкивали меня от него, я и до сих пор искренне любил Менделеева и уважал в нем гениального ученого, хотя и со слабостями, но заслуженно считавшегося славой России, одним из ее великих сынов... (Д., с. 66–67).

Академик М. М. Ковалевский вызывал у И. И. Толстого теплые чувства: «хороший, честный человек», «прекрасный и добрый», крупный ученый в области своей специальности; вместе с тем европеец в лучшем смысле этого слова. В учебных заведениях, где он преподавал, в местах, где он заседал, т. е. в Государственном совете, в Городской думе и т. п., «он всюду пользовался уважением и симпатиями своих коллег» (Д., с. 704). Трепетное отношение к науке было присуще и самому Толстому. Порой он даже пропускал важные заседания Академии художеств, куда его звали: «Быть я не могу, так как ожидаю нумизматов» (Д., с. 294).

Но и Академия художеств, в стенах которой он провел почти 16 лет, и мир искусства в целом занимают в дневнике большое место. Он был великолепным зна-

током и ценителем произведений живописи и памятников культуры. В дневнике много описаний выставок, музеев, картинных галерей, которые он посетил. И. И. Толстой был одним из главных участников реформирования Академии художеств в бытность его вице-президентом Академии (1893–1905 гг.). Он сыграл «огромную роль в борьбе за свободное творчество, в деле насаждения народного искусства в России». Так веско сказал о нем известный скульптор И. Я. Гинцбург. Благодаря графу было основано множество школ, субсидируемых Академией, устраивались ежегодные отчетные выставки в Академии и посылались многие художественные вещи в провинциальные музеи. В 1900 г. И. И. Толстой был главным уполномоченным по устройству русского художественного отдела на Всемирной выставке в Париже, одним из организаторов Музея Александра III (Русского музея) и т. д. В 1905 г. Толстой ушел из Академии в самый разгар студенческих волнений. Возвращаться в нее, несмотря на многочисленные обращения к нему выдающихся художников, он не захотел. В дневнике он объясняет это:

Прежде всего я изверился в возможности вести дело с такой обширной коллегией, как Академическое собрание: это собрание управлять, на что оно имеет законную претензию, ничем не может, а разве только советовать и критиковать; кроме того, коллегия эта пополняется весьма лицемерно, по дружбе и партийно, без допуска свежих сил. Затем в деле художественного образования нельзя держаться устарелых систем, а требуется коренная реформа, которая возможна только в спокойное время, а не такое, какое переживает вся Россия и которое по необходимости отражается на юных художниках (Д., с. 84).

Но он до конца жизни не порывал связи с Академией, приходил на ее заседания и даже председательствовал, писал записки о желательности ее преобразования, встречался со многими известными художниками, скульпторами, архитекторами, — обо всем этом есть немало страниц в дневнике. Узнав о смерти президента Академии, своего бывшего «шефа», вел. кн. Владимира Александровича, И. И. Толстой записал в дневнике:

Это для меня настоящее горе: этого человека могли судить и судили очень строго, но мне были известны многие его исключительно хорошие стороны. Это был честный, правдивый и, по существу, добрый человек; он уважал все искренние убеждения и мнения, хотя сам держался своих собственных, нередко отсталых, не совпадающих, скажу прямо, с современным мировоззрением, с явными потребностями нашего времени. Но он всегда допускал опасание своих мнений, не сердился на противоречие, несмотря на свое высокое положение, на, в общем, дурное воспитание, им полученное. Я лично теряю в его лице одного из лучших друзей; надо сказать, что другом он был верным, неизменчивым, не позволявшим даже другим отзываться дурно о лицах, которых он любил. Известие о его смерти для меня истинное горе, крупная потеря... Мир праху его! (Д., с. 229–230).

О его вдове, вел. кн. Марии Павловне, которая была назначена президентом Академии художеств, И. И. Толстой отзывался совсем иначе, когда ему стало известно, что она намерена предложить ему вернуться в Академию в качестве вице-президента: «Вот неприятная история! Она ни аза в глаза не смыслит в искусстве и не имеет никакого к тому вкуса, женщина взбалмошная и слушающая всякие наущения. Что же я с нею стал бы делать? Да мимо идет меня чаша сия! Поставлюсь как-нибудь отклонить эту честь» (Д., с. 231).

К художникам, скульпторам, архитекторам у Толстого был свой, «гамбургский счет». Когда весть об обвале потолка в зале заседаний Государственной думы дошла до него, он записал в дневнике: «Этот архитектурный скандал меня мало удивляет, зная, что перестройка или, вернее, приспособление Таврического дворца поручена была А. А. Бруни (которому я не поручил бы перестроить хотя бы собачью конуру)» (Д., с. 74). И совсем другое отношение графа к истинно талантливым художникам. О В. И. Сурикове, например, он пишет:

Мне очень жаль Сурикова, с которым лично меня связывала искренняя дружба, несмотря на то, что мы так редко виделись. В его лице сошел с жизненной сцены очень крупный художник, не похожий не на одного из своих товарищей и совершенно самостоятельный, никому не подражавший. «Боярыня Морозова» и «Ермак» останутся навсегда памятниками оригинального русского искусства, подобных которым до сих пор я не могу припомнить. Человек он был грубоватый, но сердечный и добрый. Он очень гордился своим казачьим происхождением, что не мешало ему придерживаться прогрессивных убеждений. Все это, однако, не важно в сравнении с его художественным талантом, с его любовью к искусству. Умер крупный русский человек (Д., с. 698–699).

Лаконична, но емка и оценка творчества В. А. Серова:

Серов был, несомненно, один из талантливейших современных художников. Ученик Репина, достигший известности и зарабатывавший много кистью, он не успокоился на достигнутых результатах, а продолжал работать над собою, искал нового, казавшегося ему более совершенным. У него был тяжелый, капризный характер, которым его наделила и природа, и воспитание, но это был художник с головы до пят.

Царю Серов «при жизни был антипатичен как дерзкий (понимай — революционно настроенный) человек» (Д., с. 387, 393).

И. И. Толстой никогда не проходил мимо политических воззрений героев своего дневника: сказывались и «смутное время», и личность графа с его «общественной жилкой». Этих героев он оценивал прежде всего с точки зрения их служения России. Толстой сумел разглядеть в политической круговерти «духовное родство белого и красного террора» Он писал, что «за расчетами партийных выгод» многие «забывают Россию, как давно забыли ее правительство и черносотенцы, которую они развращают и тянут назад, к временам дикости, приучая к будущим ужасам, которые рано или поздно падут на собственные их неумные головы, хотя от этого бедной России легче не будет» (Д., с. 241).

Это не голословное заявление, не теоретическая абстракция — за всем этим в дневнике живые люди: и былое, и настоящее России в нем необычайно персонифицированы. Вот яркая зарисовка с политической «натуры» — портрет К. П. Победоносцева:

Поистине зловещая фигура нашей новейшей истории! Человеком был он несомненно умным, но отрицательное отношение ко всему окружающему, скептицизм ко всякой теории и убеждение, что всякая перемена в социальных и политических вопросах может повести только к худшему, сделали из него отрицателя всякого новшества, всякого прогресса в какой бы то ни было области. Это был настоящий «нигилист» по отношению к историческому ходу вещей, и, конечно, благодаря его колоссальному влиянию

и недюжинному уму, бывшему всегда к услугам реакции, он в течение 25 лет служил верой и правдой службу огромному всему политическому и социальному движению в России, помоги довести все и вся до состояния белого каления. Думаю, что ни один русский государственный деятель не оказал России более медвежьей услуги (Д., с. 79).

В. П. Мещерского И. И. Толстой, что называется, «пригвоздил»: «Фатально зловредный человек» (Д., с. 521). По личному впечатлению графа, и «пресловутый победитель “Московского восстания”» Ф. И. Дубасов — «человек бездарный и недалекий, но зато убежденный ретроград и энергичный защитник своих печальных убеждений, готовый уничтожить все, что могло вести к умственному и политическому развитию России» (Д., с. 405). Небезызвестные правые В. М. Пуришкевич и Г. Г. Замысловский, в интерпретации И. И. Толстого, — «шуты гороховые» (Д., с. 315). С П. Н. Дурново он часто «скрешивал копыя», еще будучи министром, и хорошо знал его политическую физиономию:

По мнению Дурново, закон всегда должен быть суровым, а не милостивым: «К стене и расстрелять» было его любимым выражением по отношению ко всем «революционерам», каковыми он считал всех недовольных существующим порядком. Личной привязанности к Александру III и Николаю II он не имел, но считал их олицетворением монархического принципа, которому он твердо верил как панацее для России. Витте он терпеть не мог и, состоя членом его министерства, сделал все, что мог, чтобы повредить ему и его планам. С 1906 г. он непременно стоял во главе реакционных стремлений, будучи лидером правых в Государственном совете (Д., с. 674).

Но главное препятствие на пути развития страны И. И. Толстой видел в царе. В доверительном разговоре с вел. кн. Владимиром Александровичем он откровенно указывал на то, что «несчастье в неопределенности политики государя и в отсутствии у него способности довериться людям..., не имея никакого определенного плана и судя о людях по сплетням и разным мелочам» (Д., с. 114). В этих суждениях слышен отзвук куда более определенного мнения о царе и царице, которое высказал накануне в беседе с И. И. Толстым С. Ю. Витте:

Государь и императрица погрязли в мистицизме, до сих пор занимаются спиритизмом и применяют даже к суждению о политических вопросах какие-то мистически религиозные методы, веря в чудеса, в Божественное предопределение, в таинственное предназначение тех или иных лиц и имен совершить какие-то дела, основать гармонию душ.

И. И. Толстой записывал в дневник, что С. Ю. Витте

считает и государя, и императрицу ненормальными, а потому готов признать, что правительство при существующем характере Николая II не в состоянии будет вывести Россию из настоящего положения, и приходится рассчитывать только на Николая Угодника, т. е. естественную эволюцию... (Д., с. 113).

Бывший премьер находил проявление мистицизма царской четы и в отношении ее к фрейлине Вырубовой. И. И. Толстой и сам отметил в дневнике этот факт, будучи на ее свадьбе. Посажеными невесты были царь и царица. Монарх выглядел веселым, императрица же во все время венчания плакала и была ужасно красна. Ее поведение всех решительно поразило. Она была куда взволнованней родителей невесты и самой Вырубовой (Д., с. 109).

И. И. Толстой и С. Ю. Витте близко сходились во взглядах на П. А. Столыпина и на его внутривластный курс. В дневнике есть запись от 27 апреля 1911 г.:

Ругает он (С. Ю. Витте. — В. III.) Столыпина и дураком, и наглецом, говорит, что и себя окончательно скомпрометировал, и Россию ведет черт знает куда; тем не менее, он останется у власти, и, по мнению Витте, от него избавить Россию может только случай: какое-нибудь автомобильное несчастие или случайная болезнь и т.п. Ему так нравится власть, что он за нее цепляется всеми средствами (Д., с. 363).

На другой день после смерти П. А. Столыпина И. И. Толстой записал в дневнике:

Мое отношение к политической деятельности покойного — абсолютно отрицательное, но самый факт убийства глубоко мне антипатичен... Думаю, что он по-своему любил Россию, хотя, на мой взгляд, его любовь была того свойства, о которой принято говорить: «Избави меня от друзей, а от врагов я сам избавлюсь»... Вообще видеть в Столыпине «талантливую» государственного деятеля я решительно отказываюсь: для меня он всегда был и всегда останется временщиком, т. е. карьеристом, со всеми недостатками такового. Как государственный деятель он обладал... такими качествами, как энергия и решительность, но несравненно более серьезными недостатками: отсутствием критического ума, узостью политического кругозора, не оправдываемой его личными качествами самоуверенностью и неразборчивостью средств для сохранения своего влияния и положения при сильно развитом самомнении. Надо сказать, что после пятилетнего управления Россией он довел ее почти до того же положения, в каком она была 6 лет тому назад... Столыпин жаль как человека, погибшего трудной смертью, как жаль и его жертв, погибших благодаря ему, но не жаль как государственного деятеля... (Д., с. 373–374).

Не в восторге был И. И. Толстой и от преемника П. А. Столыпина в кресле председателя Совета министров В. Н. Коковцова. В дневнике он показан как человек уравновешенный, не фантазер, но типичный бюрократ, не чуждый, однако, европейской культуры и лоска.

Широтою взглядов он не страдает, консерватор по вкусам и служебному положению, говорун вне конкурса, он едва ли способен взять на себя инициативу в деле серьезных реформ. Законник в бюрократическом смысле слова, т.е. придерживающийся буквы закона и умеющий находить подходящий закон для каждого данного случая, он едва ли ощущает особую необходимость в создании новых законов и законных норм и, конечно, предпочитает в качестве законодательного аппарата старый, дореформенный Государственный совет, в котором так долго заседал, новым законодательным палатам с их неумеренной критикой администрации и представителей правительства (Д., с. 376).

И. И. Толстой пессимистически смотрел и на работу госучреждений: в Сенате процветал «сервизм и карьеризм», в Госсовете, при содействии Акимов, упрямого и отличающегося крайней нетерпимостью председателя,

все решают назначенные члены, подбираемые систематически из людей, понимающих только одно: обязанность при голосовании мешать осуществлению чего бы то ни было, угрожающего изменению бюрократическо-

го строя и своеволия правительства. Эти члены одушевляемы полным презрением к нуждам собственной страны (Д., с. 636, 290).

В начале деятельности III Думы в 1908 г. он занес в дневник провидческие строки: «От 3-й Думы, ныне уже очевидно, ждать стране нечего: она будет только болтать, только стараться “не мешать” правительству, а в глазах страны все более будет саму себя дискредитировать. Дела никакого она не сделает». А в январе 1912 г. он уже как бы подытоживал ее труды: «Вчера возобновилась сессия Государственной думы, весьма серо и буднично; кажется, впрочем, что все махнули на нее рукой... Позорно!» (Д., с. 221, 395).

Не потому ли, что он хотел вывести Госдуму из этого «позора», он и попытался стать ее депутатом? На выборах его забаллотировали. Но его общественная энергия по-прежнему была через край, была действительно поразительной. Он поддерживал всяческие начинания, связанные с развитием культуры и просвещения, председательствовал в разного рода собраниях и обществах: Обществе деятелей печатного дела, для борьбы с проказой, библиотековедения, вспомоществования студентам университета, на Первом всероссийском съезде по образованию женщин и многих других. В доме Толстого постоянно бывали известные общественные и государственные деятели, ученые, художники, здесь решались дела многих общественных организаций. Еще ранее в годы революции он начал активно выступать за равноправие национальностей. В 1905–1909 гг. у него собирался «Кружок равноправия и братства», обсуждался вопрос об учреждении «Общества еврейского равноправия». И он сам много писал по национальному вопросу, в том числе и в прессе.

Судя по дневнику, И. И. Толстой весьма внимательно просматривал периодическую печать, и его отзывы на различные публикации важны для понимания его общественно-политических позиций. Он никогда не состоял ни в каких политических партиях, но по своим воззрениям это был умеренный либерал прогрессистского направления. Не случайно, что газету М. М. Федорова «Слово» он считал одной из лучших и восхищался речами в Думе правого кадета В. А. Маклакова, кстати, с трудом носившего вериги партийности. Импонировал ему своими взглядами и прогрессист М. М. Ковалевский. Друг И. И. Толстого С. А. Жебелев склонялся к тому, чтобы видеть в нем прогрессиста.

В качестве прогрессивного депутата он был избран в Городскую думу, стал петербургским городским головой. Новое поприще отнимало уйму времени и сил. Но он продолжал аккуратно вести дневник. Содержание записей постепенно меняется: новые заботы, нужды большого города властно заявляли о себе и здесь. Не прекращал он и занятия нумизматикой и даже находил время на председательствования в различных обществах и т. д. Незадолго до войны он в качестве петербургского головы побывал во Франции, где, между прочим, в одной из своих речей подчеркнул, что «все города прежде всего нуждаются в мире и в хорошей внутренней и внешней политике» (Д., с. 512). Уже вернувшись домой, он был вдовгонку награжден звездой Почетного легиона, а вскоре же принимал в Гордуме президента Франции Р. Пуанкаре. Здесь, в дневнике, и блики солнечной Франции, и быстро сгущающаяся атмосфера военной грозы. Разразившись, она стала как бы определяющим фактором в деятельности графа и смысловым стержнем его дневника, запестрелшего военными сюжетами. Привлекает запись от 3 августа 1914 г. о разговоре И. И. Толстого с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым по поводу продолжительности войны. С. Д. Сазонов, пишет граф, «оказался довольно оптимистически настроенным... Думает, что война продолжится месяца четыре-пять» (Д., с. 533). Не слишком дальновидным оказался российский министр!

Незадолго до войны И. И. Толстого, прекрасного семьянина, любящего отца и мужа, доброго и отзывчивого человека, дом которого был открыт для всех, в том числе и для тех, кто нуждался в помощи и поддержке, постигло личное горе — умерла его жена. И он «отдался всецело обязанностям городского головы», проявляя себя настоящим патриотом и гуманистом. Но даже и в этих экстремальных условиях он не забрасывал дневник, фиксируя события стремительно текущей жизни: и патриотический подъем в столице в начале войны, и его быстрое выветривание по мере ее продолжения, и рост трудностей в организации снабжения города продовольствием и топливом, и бытовые подробности (об устройстве Ф. И. Шаляпиным на свой счет госпиталя, о работе царских дочерей в лазарете, визите к жене военного министра В. А. Сухомлинова, «барыньке недурненькой, но своенравной и честолюбивой», и т. д.). На этом фоне — общественная жизнь: деятельность Земгора, отношение к Прогрессивному блоку, сбой в системе административной власти и др. Интересный штрих, отмеченный в дневнике: городские головы на съезде в Москве, в котором деятельное участие принял и И. И. Толстой, «высказались за желательность и даже необходимость существования такого союза (Союза городов. — В. III.), как постоянного института» (Д., с. 536). Глава Всероссийского союза городов М. В. Челноков виделся графу «хитрецом с показным добродушием и слишком подчеркиваемой откровенностью — душа нараспашку на “московский манер”» (Д., с. 561). И. И. Толстой не был поклонником и А. И. Гучкова, «считая его фальшивым и беспринципным человеком, но, принимая во внимание его временную популярность в армии (никем, впрочем, не проверенную), было бы, может быть, благоразумно дать ему место в кабинете: несомненно, человек он умный и энергичный, знающий страну и ее настроения», хотя «сей политик ради своих целей не женируется с истиной, и, когда ему это кажется нужным, — привирает и выдумывает за дорогую душу» (Д., с. 667, 677–678). Граф также опасался, что речи деятелей прогрессивного блока в стране «произведут впечатление только слов, а не дела» (Д., с. 691).

В дневнике периода войны немало убийственных характеристик представителей царской администрации, противодействовавших городскому самоуправлению, — Н. А. Маклакова, Б. В. Штюрмера, В. К. Саблера, И. Л. Горемыкина, вел. кн. Ольденбургского и целой вереницы других чиновных бюрократов. И итог его печальных раздумий: «Надо сознаться, что нами управляют какие-то полуразвалины, а не живые люди» (Д., с. 651). И. И. Толстой был настоящим, живым деятелем. Как писал о нем в 1916 г. В. Д. Кузьмин-Караваев, за все время, что он был городским головою,

ни разу и ни на минуту не вступал ... в сделку с своей совестью. Он показал, что можно быть первым избранником столицы, не склоняя головы ни перед верхами, ни перед низами, не заискивая ни вправо, ни влево. Он учил, как должно оберегать и внутри Городской думы, и вне ее стен достоинство общественного избрания (Д., с. IX–X).

В дневнике из всех высших чиновников И. И. Толстой отличает С. Ю. Витте. Когда бывший премьер умер (28 февраля 1915 г.), автор дневника откликнулся на это печальное событие настоящим некрологом. Но и здесь он старался быть объективным:

В его лице сошла со сцены одна из самых крупных исторических личностей нашего времени. Человек он был, несомненно, талантливый и недюжинного, хотя, мне кажется, неглубокого ума. За ним остаются крупные

заслуги: 1) введение золотой валюты, упрочившей наше денежное хозяйство; 2) удачное заключение мира с Японией, причем он выказал талант истого дипломата и 3) сдвиг России с положения абсолютистической автократии на путь конституционной монархии... Крупнейшими недостатками покойного были сильно развитое самомнение и бешеное честолюбие. Благодаря этим сторонам своей личности он часто фальшивил, подлаживался к течениям и угождал и нашим, и вашим. Это, в свою очередь, оттолкнуло от него почти всех и не дало заслужить широкой популярности, которая с 1906 г. прогрессивно падала, достигнув ко дню его смерти нуля. Сам Витте думал, что он ведет тонкую политику, и не мог понять, почему к нему относятся с недоверием. Отсутствие власти и ответственной работы было для него хуже казни (Д., с. 610–611).

Но, видимо, И. И. Толстой не раз вспоминал С. Ю. Витте во время войны. Он сознавал, что «зреет величайшее недовольство правительством», а настроение войск «крайне озлобленное по отношению к правительству» (Д., с. 655, 693). Бывший премьер еще в 1910 г. говорил ему, что внутренние беспорядки и даже восстания правительству не страшны и не в состоянии изменить создавшееся положение. «Только внешние осложнения, новая несчастная война могут переменить это положение или какая-нибудь внутренняя катастрофа вроде общего голода и разорения» (Д., с. 302). В феврале 1915 г., за два года до смерти С. Ю. Витте, И. И. Толстой считал, что «переживаемое время очень серьезное, что мы, может быть, накануне народных движений, причем не исключена возможность голодного бунта, самого опасного из всех» (Д., с. 609).

Не подтверждается ли правота этих высказываний С. Ю. Витте и И. И. Толстого — с неожиданной, правда, стороны и постфактум — сентенцией В. И. Ленина: «Не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов»? [3, с. 31].

Лихорадочная, нервная, отнимающая все силы работа на посту городского головы «доконала» Толстого. В сентябре 1915 г. его осмотрели доктора и нашли явное переутомление и крипы в бронхах:

Советуют покой, угрожая в противном случае разными ужасами. Легко сказать — покой, когда меня дергают весь день и каждый день, кто по поводу недостачи дров, кто — муки, кто — перевязочных средств, кто — помещений для расквартирования войск, военных лазаретов. И при этом никто помочь не хочет — ни министерства, враждебно относящиеся к «самоуправлениям» и желающие их провала, ни военные власти, предъявляющие только требования и не ударяющие палец о палец там, где нужно подержать. Рядом с этим вести с фронта ужасные: мы все отступаем, теряя пленных и драгоценное для нас оружие... Николаевская железная дорога считается угрожаемой. Что же мы тогда будем делать? Умирать с голоду и холоду? Союзники и во Франции, и в Дарданеллах не двигаются и оставляют нас одних отбояриваться... Из членов Управы вполне могу положиться на Новикова и Голубкова и, пожалуй, на Лаврентьева, тогда как стародумцы более мешают, чем помогают. Просто с ума сойти можно! (Д., с. 673).

Его бесплодная борьба со взяточничеством, «общей бесчестностью», инсинуациями правой прессы дополняют эту безрадостную картину. 30 сентября он пишет в дневнике, что «нет никакого смысла оставаться в должности городского головы» (Д., с. 677), а в ноябре врачи единогласно объявили Толстому, что ему делами

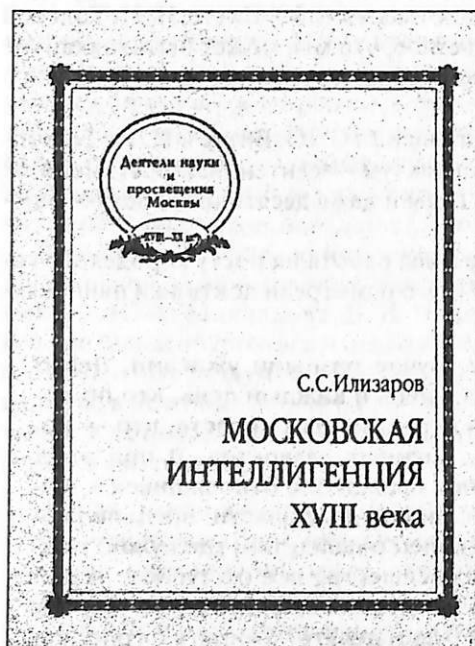
заниматься нельзя и потому следует покинуть пост городского головы. Это он и сделал в январе 1916 г. В марте И. И. Толстого повезли на лечение в Крым. Там, в имении графини С. В. Паниной в Гаспре, 20 мая 1916 г. он умер. Похоронили его в Петрограде, в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище, которое в 1920–1930-х гг. подверглось разорению. Памятник И. И. Толстому не сохранился. «Воспоминания» и «Дневник» будут ему вечным памятником.

Литература

1. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М., 1963.
2. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 32. М., 1962.

И. Н. ЮРКИН

МОСКОВСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ XVIII ВЕКА*

Среди москвоведческих изданий, появившихся в последние годы, немало добротных, есть хорошие, встречаются очень хорошие. Москвоведение — на очередном пике исследовательского и педагогического интереса к нему. Найти сегодня среди множества захваченных в его орбиту проблем, тем, сюжетов, проектов и начинаний свою нишу — дело, хотя и возможное, но уже непростое. Поэтому в начале испытываешь даже удивление от того, что энциклопедического труда, подобного только что вышедшей из печати книге С. С. Илизарова о московской интеллигенции XVIII в., прежде, оказывается, не существовало.

Впрочем, осознав, какой квалификации требует такое издание, оценив необходимые для этого усилия, скоро понимаешь, почему до сих пор не было серьезных покушений на создание подобной книги, и одновременно радуешься этому: хорошо, что не испортили идею.

Конечно, точки соприкосновения у рецензируемого и существующих изданий есть, да и не могло их не быть. В универсальных и специальных москвоведческих справочниках, содержащих сведения об истории культуры, немало персоналий, принадлежащих к XVIII столетию. Сошлюсь хотя бы на старую, брежневской эпохи энциклопедию «Москва» (1980) [1] или недавно выпущенных «Коллекционеров

* Илизаров С. С. Московская интеллигенция XVIII века / РАН ИИЕиТ. ГИМ. ГПИБ. — М.: Янус-К, 1999. — 370 с., илл.